
SOCIOLOGY

Original article

УДК 304.4(571.62)

<https://elibrary.ru/HKVJRM>

Practices of Social Architecture in the Regional Dimension: Experience in Supporting and Implementing Civil Initiatives in the Khabarovsk Territory (Sociological Approach)

Vladimir V. Zubkov¹, Roman Yu. Taranets²

¹ The Ministry of internal and information policy of the Khabarovsk territory; the Pacific State University, Khabarovsk, Russia

² The department of the regional center for the development of civil initiatives and the socially oriented non-profit organizations foundation, Khabarovsk, Russia

¹ zubkovvv89@mail.ru

² velvet.daftalive2007@yandex.ru

Abstract. *This article examines social architecture as a field of social theory and applied sociology that emerged at the intersection of concepts of social engineering, social technology, forecasting, and civic participation. Theoretical and methodological basis of the concept is consistently presented, its relationship with the related approaches - social design, political technologies, sociology of architecture and urbanism. Based on the approaches considered, definition of the concept of social architecture was proposed, as well as its key conceptual elements. Successful cases of implementation of federal projects aimed at creating value-rich strategies for the development of institutions, practices and spaces of interaction are presented. Based on the experience of the Khabarovsk territory in supporting and developing the institution of territorial public self-government and the socially oriented non-profit organizations, transformation of civil subjectivity of the region's residents, as well as the dynamics of long-term changes in the social well-being of the region's population and a level of trust in the authorities as a factor in the migration moods of residents in the region. This reputational effect works to attract active people focused on development, and investors who value the predictability of institutions, which gradually changes qualitative composition of the civil asset of the region, and also forms migration attractiveness of the region. Experience of the region shows that implementation of socio-architectural logic at the regional level through the support of local (point) projects forms the image of the future region, which, in turn, acts as a factor in creating a level of trust in the authorities and adjusting the migration moods of the region's residents.*

Keywords: *social architecture, territorial public self-government, socially oriented non-profit organizations, civic subjectivity, migration sentiments, the Khabarovsk territory*

For citation: Zubkov, V. V., Taranets, R. Yu. (2026) Practices of Social Architecture in the Regional Dimension: Experience in Supporting and Implementing Civil Initiatives in the Khabarovsk Territory (Sociological Approach). *Power and Administration in the East of Russia*, no. 1 (114), pp. 93–104. EDN: EDN: HKVJRM

Научная статья

Практики социальной архитектуры в региональном измерении: опыт поддержки и реализации гражданских инициатив в Хабаровском крае (социологический подход)

Владимир Владимирович Зубков¹, Роман Юрьевич Таранец²¹ Министерство внутренней и информационной политики Хабаровского края, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия² Фонд «Краевой центр развития гражданских инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций», Хабаровск, Россия¹ zubkovvv89@mail.ru² velvet.daftalive2007@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается социальная архитектура как направление теории социального управления и прикладной социологии, возникшее на пересечении концепций социальной инженерии, социальных технологий, прогнозирования и гражданского участия. Последовательно представлен теоретико-методологический базис понятия, его соотношение со смежными подходами – социальным проектированием, политическими технологиями, социологией архитектуры и урбанистикой. На основе рассмотренных подходов предложено определение понятия социальной архитектуры, а также ее ключевые концептуальные элементы. Представлены успешные кейсы реализации федеральных проектов, направленных на создание ценностно насыщенных стратегий развития институтов, практик и пространств взаимодействия. На основе опыта Хабаровского края по поддержке и развитию института территориального общественного самоуправления и социально ориентированных некоммерческих организаций в качестве региональных практик развития социальной архитектуры представлена трансформация гражданской субъектности жителей края, а также динамика долгосрочных изменений в социальном самочувствии населения региона и уровня доверия к власти как фактора миграционных настроений жителей в крае. Этот репутационный эффект работает на привлечение активных людей, ориентированных на развитие, и инвесторов, ценящих предсказуемость институтов, что постепенно изменяет качественный состав гражданского актива региона, а также формирует его миграционную привлекательность. Опыт региона показывает, что реализация социально-архитектурной логики на региональном уровне через поддержку локальных (точечных) проектов формирует образ будущего региона, что, в свою очередь, выступает фактором формирования уровня доверия к органам власти и корректировки миграционных настроений жителей.

Ключевые слова: социальная архитектура, территориальное общественное самоуправление, социально ориентированные некоммерческие организации, гражданская субъектность, миграционные настроения, Хабаровский край

Для цитирования: Зубков, В. В., Таранец, Р. Ю. Практики социальной архитектуры в региональном измерении: опыт поддержки и реализации гражданских инициатив в Хабаровском крае (социологический подход) // Власть и управление на Востоке России. 2026 № 1 (114). С. 93–104. EDN: HKVJRM

Введение

Современная российская государственная политика всё отчетливее демонстрирует запрос на долгосрочные, ценностно насыщенные форматы работы с обществом в противовес тактическим инструментам управления или кратковременной мобилизации при помощи политических технологий. Кроме того, дифференциация уровня и социально-экономических условий жизни в разных регионах страны формирует перед региональными органами власти дополнительные задачи по формированию миграционной привлекательности региона. Именно в этих условиях формируется объективная потребность изучения и развития социальной архитектуры как методологии целенаправленного проектирования социальных систем, институтов и практик, ориентированной не на оперативный результат, а на устойчивые структурные изменения в гражданской жизни.

В академическом плане социальная архитектура остаётся сравнительно молодой дисциплиной. Её концептуальные границы ещё не устоялись: понятие активно используется в экспертных и управленческих сообществах, однако практическое применение пока отстаёт от теоретического осмысления. Одни исследователи трактуют социальную архитектуру как разновидность политической технологии [Шарахина, 2025], другие – как технологию со-управления, переводящую социальную политику из патерналистской модели в плоскость кооперации и взаимозависимости [Гайнутдинова, Гайнутдинов, 2025]. Разброс интерпретаций объясняется, в первую очередь, тем, что понятие возникло на пересечении нескольких самостоятельных теоретических традиций.

Цель настоящей статьи – систематизировать теоретико-методологические основания социальной архитектуры, отделить её от смежных концептов и проанализировать региональный опыт реализации на примере поддержки гражданских инициатив в Хабаровском крае. В центре внимания два инструмента, ставших ключевыми элементами социально-архитектурной практики в регионе: территориальное общественное

самоуправление (далее – ТОС) и социально ориентированные некоммерческие организации (далее – СОНКО).

Теоретико-методологические основания социальной архитектуры (социологический подход)

Понятие социальной архитектуры складывается на стыке нескольких теоретических концептов, каждый из которых определяет свой методологический слой.

Отправной точкой для осмысления социальной архитектуры выступает концепция *позлементной социальной инженерии* К. Поппера, согласно которой социальные изменения должны реализовываться как серия ограниченных, практически проверяемых шагов с постоянной коррекцией на основе обратной связи. В этой логике социальная инженерия трактуется как рациональная, рефлексивная деятельность, исходящая из принципа фаллибилизма, где любое знание не является окончательным и подлежит пересмотру [Буга, 2018; Дзема, 2006. С. 112]. Принципиально важна здесь ставка на эмпиризм и постепенность в противовес утопическим проектам, предполагающим мгновенное преобразование всего общества.

В отечественной социологии эта концепция рассматривалась О. А. Уржой и Ю. М. Резником. О. А. Уржа определяет социальную инженерию как «междисциплинарную научно-практическую деятельность субъекта, направленную на формирование и преобразование социальных систем различного уровня сложности» [Уржа, 2017] и выстраивает устойчивую последовательность инженерных процедур: социологическая диагностика – прогнозирование – моделирование – эксперимент – проектирование – планирование – применение технологий. Ю. М. Резник разграничивает саму инженерную деятельность и её научное обеспечение [Резник, 1994]. Вместе с тем в более поздних работах подчёркивается амбивалентность понятия: социальная инженерия служит одновременно инструментом совершенствования институтов и объектом критики в связи с её применением в манипулятивных коммуникациях, кибермошенничестве и иных противоправных практиках [Озеров, 2025].

Социальная архитектура следует из этой концепции, но претендует на более широкое предметное поле. Она ориентирована не только на решение конкретных управленческих задач, но и на создание ценностно насыщенных стратегий развития институтов, практик и пространств взаимодействия.

Второй ключевой компонент теоретической базы – *концепция социальных технологий*. О. В. Гавриленко рассматривает их одновременно как поле для исследования и как инструментальную подсистему социального управления, включающую технологии целеполагания, мобилизации, коммуникации, мотивации, координации и контроля [Гавриленко, 2019]. А. Б. Черных и С. В. Елисеев определяют социальную технологию как «пооперационную модель управленческой деятельности, задающую стандартизованную последовательность воздействий, направленных на достижение определённых социальных результатов» [Черных, Елисеев, 2015]. Исследования Л. М. Гайсиной демонстрируют, что подобные технологии применяются в широком диапазоне: от управления персоналом до реализации региональных стратегий социально-экономического развития [Гайсина, 2015].

Социальное проектирование в этой системе координат выступает как прогностическая функция управленческой деятельности [Деркач, 2019]: диагностика проблем, постановка целей, отбор инструментов, разработка показателей результативности. Социальная архитектура использует технологии и отдельные проекты как «строительный материал», тогда как её собственная задача – проектирование целостной системы институтов, норм и практик, обеспечивающих воспроизводимость желаемого социального порядка.

Методологически значимым элементом является модель «*прогнозирование – моделирование – планирование*». Ж. Т. Тощенко показывает, что эффективные вмешательства в социальную реальность требуют полного цикла специальных действий – диагностики, прогноза, модели, проекта, плана, реализации, оценки [Тощенко, 2005]. Принципиаль-

но, что этот цикл предполагает многократные повторения: образ желаемого будущего не фиксируется раз и навсегда, а постоянно уточняется в ходе апробации. Агентное и имитационное моделирование социально-экономических систем позволяет тестировать различные стратегии и выявлять неочевидные эффекты взаимодействия субъектов. Для социальной архитектуры существенно, что моделируемое будущее включает не только экономические или административные характеристики, но и ценностные, идентификационные и культурные измерения.

Третий теоретический слой – *концепции участия и агентности*. В отечественной литературе партисипативный подход связывается с тем, что вовлечение граждан в принятие решений выполняет не только инструментальную функцию, но и формирует доверие к институтам, чувство ответственности и агентности [Никитина, Казаева, 2010]. Исследования электронного партисипативного управления показывают, как цифровые платформы обеспечивают непрерывную обратную связь и расширяют пространство публичной дискуссии [Туманян, 2020]. Работы об установках граждан к партисипативным практикам на региональном уровне фиксируют неоднородность этого опыта, что ставит задачу социокультурной адаптации форматов участия и развития соответствующих компетенций [Туманян, 2020].

Л. А. Гайнутдинова и Р. И. Гайнутдинов рассматривают социальную архитектуру как *технологию со-управления*, переводящую социальную политику из сферы патернализма в модель, основанную на взаимозависимости и кооперации. По их оценке, это новый этап социальной инженерии, обеспечивающий устойчивое развитие и рост общественного доверия [Гайнутдинова, Гайнутдинов, 2025. С. 199]. Л. В. Шарахина трактует социальную архитектуру как *политическую технологию создания гражданского нарратива* – «целенаправленный процесс разработки и внедрения социальных инициатив для решения общественных проблем, отвечающих стратегическим задачам развития общества» [Шарахина, 2025].

На основе рассмотренных подходов можно предложить следующее определение: *социальная архитектура* – многослойная, рефлексивная и ценностно ориентированная методология создания социальных систем, объединяющая социально-инженерный, технологический, прогностический и партисипативный компоненты в единую логику долгосрочного проектирования социальной реальности.

Ключевые концептуальные элементы социальной архитектуры

Среди понятий, образующих специфический каркас социальной архитектуры, особое место занимают три элемента: модель доверия, цивилизационный код и двухслойная структура деятельности.

А. Д. Харичев определяет *доверие* как динамическое социально-психологическое явление, которое возникает в процессе взаимодействия, привязано к конкретным ситуациям и может быть сформировано целенаправленно [Харичев, 2025]. В его концептуальной модели доверие является функцией четырёх взаимосвязанных переменных. *Честность* – открытость коммуникаций между властью и гражданами и соответствие слова делу. *Возможности* – наличие у субъекта власти реальных ресурсов и компетентности для решения проблем, подкреплённое демонстрацией этого понимания в публичной коммуникации. *Мотивация* – искренняя заинтересованность в благополучии граждан, а не в удовлетворении интересов узкой группы. *Дистанция* – физическая, информационная и психологическая близость между властью и обществом: чем она меньше, тем выше уровень доверия [Харичев, 2025].

Принципиально важно, что все четыре составляющие поддаются целенаправленному воздействию. Именно это превращает доверие из наблюдаемого феномена в конструируемое: оно становится целью управленческой деятельности, а не её побочным эффектом.

В российском контексте социальная архитектура опирается на систему базовых ценностей, связанных с понятиями *Родины, Веры, Семьи, Правды и Воли* [Харичев, 2025]. Апелляция к этому ценностному коду позволяет выстраивать

социальные проекты таким образом, чтобы они не воспринимались как внешнее вмешательство, а резонировали с устойчивыми идентификационными установками граждан, формируя у них чувство сопричастности и принадлежности.

Социальная архитектура решает два взаимосвязанных типа задач. Первый слой – *социальное моделирование*: разработка сценариев, прогнозов и образов желаемого будущего, определение факторов, влияющих на их достижение, работа по минимизации негативных сценариев. Второй слой – *социальное проектирование*: практическое воплощение через систему конкретных проектов двух видов: работающих с общественным сознанием (актуализация ценностных установок, формирование позитивной идентичности) и решающих конкретные социально-экономические и инфраструктурные задачи [Харичев, 2025].

Ключевое отличие социальной архитектуры от манипулятивных технологий состоит в следующем: её результатом должны быть реальные, измеримые изменения для конкретных сообществ, а не лишь изменения в восприятии. Именно это придаёт ей характер инструмента доверия, а не имитации.

Федеральные проекты социальной архитектуры: успешные кейсы

Движение «Бессмертный полк» – один из наиболее показательных примеров проекта, работающего с общественным сознанием. Начавшись с локальной инициативы, к 2025 году оно охватывает порядка 14 миллионов участников. Функция движения в рамках социальной архитектуры состоит не только в увековечении исторических событий: через общий ритуал воспроизводятся межпоколенческие связи и конструируется общая национальная идентичность [Харичев, 2025].

Программа «Россия – страна возможностей» создавалась в ответ на документально зафиксированный запрос. Первоначальные исследования показали, что лишь 37% молодых людей признавали возможность полноценной самореализации в России; к 2025 году этот показатель превысил 80% [Харичев, 2025]. Программа – конкурсы, образовательные инициативы, кадровые платформы – фор-

мирует реально работающие механизмы вертикальной социальной мобильности. Кадровые платформы «Лидеры России» и «Время героев» обеспечивают приток компетентных управленцев.

Проект «Школа Росатома», реализуемый более двадцати лет, демонстрирует социально-архитектурный подход на корпоративном уровне. Выявив дефицит качества школьного образования, корпорация запустила масштабную программу повышения компетенций учителей, вкладывая ресурсы не в краткосрочный результат, а в воспроизводство человеческого капитала для будущих поколений инженеров и учёных.

Проект «На севере жить» в Мурманской области показывает, как политтехнологический импульс способен трансформироваться в устойчивую стратегию развития. Начавшись в ходе избирательной кампании, проект постепенно обрёл самостоятельную жизнь как программа социально-экономического развития региона. Итогом стало историческое изменение миграционного тренда: впервые за 35 лет число переехавших в регион превысило число уехавших.

Проекты комфортной городской среды – платформы «Решаю сам», «Решаем вместе» – воплощают принципиальную установку социальной архитектуры: устойчивое повышение качества жизни возникает лишь тогда, когда граждане сами участвуют в определении проблем и выборе решений. В ряде регионов жители делают собственные финансовые взносы в реализацию проектов, что является прямым свидетельством принятой ответственности, а не пассивного получения услуг.

Практики социальной архитектуры в Хабаровском крае: поддержка инициатив граждан в форме ТОС и СОНКО от флагманских проектов к региональным проектам по развитию региона

Территориальное общественное самоуправление в формально-юридическом смысле – самоорганизация граждан по месту жительства для самостоятельного

осуществления инициатив по вопросам местного значения. Это определение, точное с административной точки зрения, описывает форму, но не функцию. В региональной практике Хабаровского края ТОС выступает, прежде всего, как технология преобразования, благодаря которой граждане переходят из состояния потребителей государственных услуг в состояние со-создателей своей среды. Именно этот переход и является целью с позиций социальной архитектуры.

Значимость такого перехода обозначена на самом высоком уровне. В. В. Путин подчёркивал, что граждане должны иметь «широкие возможности для того, чтобы контролировать работу органов власти, влиять на повышение ее качества, эффективности этой работы; через различные механизмы, включая территориальное общественное самоуправление, добиваться учета своих интересов»¹. ТОС в этом контексте – не декоративный элемент гражданского общества, а работающий инструмент перераспределения инициативы и ответственности.

С 2016 г. в Хабаровском крае в рамках государственной программы «Содействие развитию институтов и инициатив гражданского общества», утверждённой постановлением Правительства края от 29 декабря 2012 г. № 482-пр, проведено 13 конкурсов по отбору проектов ТОС. По их результатам распределено свыше 1 млрд руб. на реализацию более 2 тысяч проектов. Содержательно проекты охватывают строительство детских и спортивных площадок, ремонт пешеходных дорожек, установку малых архитектурных форм, создание скверов и памятных мест, в том числе мемориалов участникам СВО. Губернатором края дано поручение о поэтапном увеличении ежегодного финансирования до 500 млн руб. в 2026–2027 гг.

Значение этих проектов в категориях социальной архитектуры двойственно. Прямой эффект очевиден – более благоустроенная и комфортная среда. Но столь же важен непрямой эффект: когда граждане видят, что их локальные проб-

¹ Путин призвал общественные организации настойчивее общаться с чиновниками: URL: <https://www.kp.ru/online/news/2920324/> <https://www.kp.ru/online/news/2920324/?ysclid=mn5bf37xut520277714>

лемы решаются благодаря собственной инициативе при реальной поддержке государства, что укрепляет доверие через наглядную демонстрацию возможностей и честности власти. Формируется своеобразный публичный контракт: государство слышит, финансирует, выполняет обещания – и граждане убеждаются в этом на собственном опыте.

Удовлетворённость жизнью в месте проживания – центральная метрика успеха социальной архитектуры на региональном уровне – складывается из экономических условий, инфраструктуры, безопасности и социального климата. Деятельность ТОС затрагивает все четыре компонента одновременно.

Инфраструктурный компонент. Проекты ТОС напрямую улучшают физическую среду: новые площадки повышают привлекательность района для семей с детьми; отремонтированные тротуары делают передвижение более безопасным; скверы и памятные места формируют культурные ландшафты, которые граждане начинают воспринимать как свои – как пространства, в создании которых они участвовали сами.

Социальный компонент. ТОС создаёт условия для интенсивного взаимодействия соседей, развития лидерства, осознания общих интересов и укрепления чувства принадлежности к сообществу. Памятные места, создаваемые усилиями жителей в память об участниках СВО, служат ещё и пространствами коллективной памяти – точками общей идентичности.

Экономический компонент. Более благоустроенная территория повышает привлекательность района, стоимость недвижимости и качество жизни в целом, становясь экономическим активом территории и привлекая в регион жителей из других мест проживания.

Компонент безопасности. Пространства, где активны граждане и функционируют общественные места притяжения, как правило, более безопасны: заметное присутствие жителей само по себе служит профилактикой правонарушений.

Реализованные объекты, как свидетельствует практика, служат долгие

годы: граждане относятся к ним бережно, принимая ответственность за их содержание. Это принципиальное отличие от инфраструктуры, навязанной сверху, – и показатель того, что социально-архитектурный процесс состоялся.

На начальном этапе (с 2015 года) акцент делался преимущественно на финансовом стимулировании: государство предоставляло гранты, инициируя движение и демонстрируя серьёзность своего отношения к гражданским инициативам. Однако вектор развития ТОС не может быть ограничен только финансовыми инструментами. Понимание этого ограничения означает переход к более глубокой работе с гражданским сознанием.

В 2023 г. запущен проект «Школа ТОС»: специалисты профильного комитета совместно с Краевым центром гражданских инициатив организуют обучение для начинающих лидеров ТОС в муниципальных образованиях края. В 2024 году разработана и запущена программа повышения квалификации «Управление ТОС» для специалистов органов местного самоуправления с выдачей документа государственного образца. На регулярной основе проводятся обучающие семинары, информационные встречи, в том числе в формате видеоконференцсвязи.

Эта эволюция принципиально значима. Успех ТОС как явления социальной архитектуры определяется не количеством реализованных проектов, а качеством гражданского участия: уровнем компетентности лидеров, их способностью артикулировать общественные интересы, вести коммуникацию с медиа, управлять конфликтами. ТОС должна стать школой гражданской активности для молодого поколения, формируя людей, которые видят себя субъектами изменений. Стоит отметить, что субъектность активистов ТОС вышла на новый качественный уровень: представители движения избираются в составы представительных органов муниципальных образований края, становятся главами муниципалитетов, активисты ТОС начинают восприниматься как лидеры развития территории.

Вместе с тем в информационном поле необходимо закладывать идеологиче-

скую составляющую на смысловом уровне: локальные проекты должны восприниматься не как разрозненные точечные улучшения, а как части единого образа развивающегося Хабаровского края – региона, где граждане имеют возможность менять свою жизнь через собственную инициативу при поддержке государства. Каждый реализованный проект ТОС должен быть видимым свидетельством этого нарратива. Активисты ТОС заслуживают общественного признания как лидеры территориального развития – их истории должны быть представлены в медиапространстве и региональном дискурсе.

Показательно, что Хабаровский край воспринимается как передовая площадка гражданского общества в масштабах России. Этот репутационный эффект работает на привлечение активных людей, ориентированных на развитие, и инвесторов, ценящих предсказуемость институтов. Постепенно это изменяет и качественный состав гражданского актива региона, а также формирует миграционную привлекательность региона.

Социально ориентированные некоммерческие организации занимают в практике социальной архитектуры Хабаровского края иную позицию, нежели ТОС. Если ТОС концентрируется на локальных территориальных проблемах и работе по месту жительства, то СОНКО действуют с целевыми группами населения, требующими специализированного подхода и профессиональных компетенций. Их роль в решении военно-патриотических, культурных, экологических, образовательных, воспитательных и правозащитных задач в крае ежегодно возрастает, и оказание всесторонней поддержки некоммерческому сектору признано на уровне Правительства Хабаровского края в качестве приоритетной задачи.

В логике социальной архитектуры СОНКО следует понимать не просто как получателей государственной поддержки, но как профессиональных субъектов социальных изменений. Их деятельность охватывает сразу несколько уровней: формирование ценностей и смыслов, решение конкретных социальных проблем, вовлечение граждан в добровольческую деятельность, создание устойчивых со-

обществ по интересам.

Принципиально важно, что ТОС и СОНКО не конкурируют, а взаимно дополняют друг друга. ТОС обеспечивает территориальную связность: вовлекает граждан по месту жительства в решение локальных задач. СОНКО выстраивают горизонтальные сети по тематическому принципу, обеспечивая глубину работы с конкретными группами и проблемами. Вместе они образуют инфраструктуру гражданского общества, в которой каждый гражданин может найти точку входа – будь то благоустройство собственного двора или участие в организации, работающей с его конкретными интересами или потребностями.

Заключение

Социальная архитектура продолжает формироваться как самостоятельная исследовательская и практическая область, объединяющая концептуальные ресурсы социальной инженерии, теории социальных технологий, прогнозтики и партисипативных подходов. Её отличие от смежных направлений определяется прежде всего масштабом целеполагания и горизонтом планирования: в отличие от социального проектирования, она работает одновременно на макро- и мезоуровне; в отличие от политических технологий ориентирована на устойчивые институциональные изменения, а не на краткосрочные электоральные эффекты.

Ключевым производным результатом социальной архитектуры является доверие – конструируемая переменная, формируемая через демонстрацию честности, реальных возможностей власти, её мотивации и близости к гражданам. Строительным материалом служат конкретные проекты; несущей конструкцией – ценностный нарратив, резонирующий с цивилизационным кодом общества.

Опыт Хабаровского края показывает, что реализация социально-архитектурной логики на региональном уровне требует не только финансовых инструментов поддержки гражданских инициатив, но и систематической работы с компетенциями участников, встраивания локальных проектов в образ будущего региона и обеспечения общественного признания гражданских лидеров, что, в

свою очередь, выступает фактором формирования уровня доверия к органам власти и корректировки миграционных настроений жителей региона.

Движение ТОС, перешагнувшее отметку в 2 тысячи реализованных проектов и 1 млрд рублей поддержки, становится подлинной социально-архитектурной практикой именно тогда, когда перестаёт восприниматься как административная программа и превращается в явление гражданской культуры. СОНКО дополняют эту инфраструктуру, обеспе-

чивая тематическую глубину и профессиональный уровень работы с отдельными категориями граждан.

Дальнейшее концептуальное развитие социальной архитектуры как научного направления предполагает, в частности, разработку измерительных инструментов для оценки её эффектов – прежде всего в части динамики доверия, трансформации гражданской субъектности и долгосрочных изменений в социальном самочувствии населения.

Список источников:

1. Барчугова, Е. В., Рочегова, Н. А. Социология архитектуры. Три этапа развития // АМТ. 2018. № 3 (44). С. 377–391. EDN: OZQSFV
2. Буга, А. С. О понятиях поэлементной и утопической социальных инженерий // Вох. Философский журнал. 2018. № 25. С. 337–349. DOI: 10.24411/2077-6608-2017-00076 EDN: YTRGCT
3. Вершинина, И. А. Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 2. С. 48–60. EDN: AVMWU
4. Гавриленко, О. В. Социальные технологии как исследовательское поле и инструмент социальных преобразований // Вестник Московского университета. Социология и политология. 2019. № 4. С. 77–94. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-77-94 EDN: DREBQR
5. Гайсина, Л. М. Социальные технологии как инструмент преобразования системы управления персоналом // Власть. 2015. № 4. С. 155–160. EDN: TRHVMZ
6. Гайнутдинова, Л. А., Гайнутдинов, Р. И. Социальная архитектура как технология со-управления // Журнал политической социологии. 2025. Т. 15. № 5. С. 199–204. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-5-199-204 EDN: DCAMUC
7. Гарадурдыева, Дж., Нургелдыева, М., Атаев, А. Социальные пространства в современном городском жилищном строительстве // Вестник науки. 2024. № 12 (81). С. 1306–1309. EDN: OUGOGG
8. Дзема, А. И. Становление «открытого общества» и поэлементная социальная инженерия Карла Поппера // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2. С. 112–121. EDN: HVMFDL
9. Деркач, В. В. Социальное проектирование как прогностическая функция управленческой деятельности // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 1 (27). С. 107–112. DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-107-112 EDN: FMGGUV
10. Ленков, Д. А. Политические инновации: от институционального анализа к исследованию ценностно-мотивационной и поведенческой сферы трансфера и рецепции инноваций // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2023. № 3. С. 191–197. EDN: VMAWWK
11. Лефевр, А. Право на город // Экономическая социология. 2023. № 1. С. 55–70. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-55-70 EDN: HEYVDX
12. Никитина, Е. Ю., Казаева, Е. А. Партиципативный подход как методический регулятив к педагогической концепции развития гражданской позиции будущего учителя // Вестник ЮУрГГПУ. 2010. № 1. С. 163–170. EDN: LSQJQR
13. Озеров, И. Н. Социальная инженерия в деятельности органов, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений в особых условиях // Вестник Академии

Следственного комитета Российской Федерации. 2025. № 1 (43). С. 128–134. DOI: 10.54217/2588-0136.2025.43.1.016 EDN: UNGBEQ

14. Резник, Ю. М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 87–101.

15. Скорченко, Ю. А. Социология архитектуры: актуальные акциденты // Основы ЭУП. 2023. № 1 (36). С. 26–32. DOI: 10.51608/23058641_2023_1_26 EDN: GCGOХЕ

16. Сунгуров, А. Ю., Киселева, Д. А. Прогосударственные «фабрики мысли» в современной России: функциональный подход // Полит. наука. 2023. № 4. С. 155–185. DOI: 10.31249/poln/2023.04.06 EDN: YUTVNO

17. Тощенко, Ж. Т. Прогнозирование, проектирование и планирование в социальном управлении // Социология власти. 2005. № 5. С. 23–45. EDN: HUACKF

18. Туманян, Г. В. Электронное партисипативное управление и его влияние на культуру гражданского участия // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2020. № 2. С. 298–302. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-2-298-302 EDN: IMVKFT

19. Толпыгина О. А., Рыжкова Е. А. Трансформирующая агентность в контексте реализации программ благоустройства // Семиотические исследования. 2023. Т. 3. № 2. С. 66–74. DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-2-66-74 EDN: ZQMRJW

20. Уржа, О. А. Социальная инженерия как методология управленческой деятельности // Социологические исследования. 2017. № 10 (402). С. 87–96. DOI: 10.7868/S0132162517100099 EDN: ZNGYKL

21. Фёдоров, В. В. Архитектурная среда как текст // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. № 1. С. 39. EDN: TGXAGO

22. Харичев, А. Д. Социальная архитектура: от запросов в настоящем к горизонтам будущего // Блокнот гражданского просвещения. 2025. № 12 (август-сентябрь). URL: <https://strategy24.ru/rf/news/sotsialnaya-arkhitektura-ot-zaprosov-v-nastoyashchem-k-gorizontam-budushchego>.

23. Черных, А. Б., Елисеев, С. В. Социальные технологии как инструмент управления // Евразийский Союз Учёных. 2015. № 4–13 (13). С. 68–70. EDN: XDYJFP

24. Чернявская, О. С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестник ННГУ. 2008. № 5. С. 329–335. EDN: JXKSRR

25. Шарахина, А. В. Социальная архитектура как политическая технология создания гражданского нарратива // Медиалингвистика : материалы IX международной научной конференции, Санкт-Петербург, 25–28 июня 2025 года. – Санкт-Петербург: ООО «Медиапайр», 2025. С. 885–889. EDN: NKNGNM

References:

1. Barchugova, E., Rochegova, N. (2018) Sociology of Architecture. Three Stages of Development. *Architecture and Modern Information Technologies*, no. 3 (44), pp. 377–391 EDN: OZQSFV (in Russ.).

2. Buga, A. S. (2018) About the Notions of the Utopian and Piecemeal Social Engineering's. *VOX. Philosophical journal*, no. 25, pp. 337–349. DOI: 10.24411/2077-6608-2017-00076 EDN: YTRGCT (in Russ.).

3. Chernykh, A. B., Eliseev, S. V. (2015) Social technologies as a management tool. *Eurasian Union of Scientists*, no. 4–13 (13), pp. 68–70. EDN: XDYJFP (in Russ.).

4. Chernyavskaya, O. S. (2008) Social space: a review of theoretical interpretations. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 5, pp. 329–335. EDN: JXKSRR (in Russ.).

5. Dzema, A. I. (2006) “Open society” and piecemeal social engineering by Karl Popper. *Human. Community. Management*, no. 2, pp. 112–121. EDN: HVMFDL (in Russ.).

6. Derkach, V. V. (2019) Social designing as a prognostic function of management activities. *Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy*, no. 1 (27), pp. 107–112. DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-107-112 EDN: FMGGUV (in Russ.).

7. Fedorov, V. V. (2015) Architectural environment as text. Space and Time of the

Text, no. 1, pp. 39. EDN: TGXAGO (in Russ.).

8. Garadurdieva, J., Nurgeldyeva, M., Ataev, A. (2024) Social spaces in modern urban housing construction. *Science bulletin*, no. 12 (81), pp. 1306–1309. EDN: OUGOGG (in Russ.).

9. Gavrilenko, O. V. (2019) Social technologies as research field and instrument of social transformations. *Moscow state university bulletin. Series 18. Sociology and political science*, no. 4, pp. 77–94. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-77-94 EDN: DREBQR (in Russ.).

10. Gaisina, L. M. Social technologies as a tool of system transformation in personnel management. *The Authority*, no. 4, pp. 155–160. EDN: TPHVMZ (in Russ.).

11. Gainutdinova, L. A., Gainutdinov, R. I. (2025). Social architecture as a co-management technology. *Sociopolitical Sciences*, no. 15(5), pp. 199–204. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-5-199-204. EDN: DCAMUC (in Russ.).

12. Kharichev, A. D. Social architecture: from requests in the present to the horizons of the future. *Notebook of Civic Education*, 2025, no. 12 (August-September). URL: <https://strategy24.ru/rf/news/sotsialnaya-arkhitektura-ot-zaprosov-v-nastoyashchem-k-gorizontam-budushchego> (in Russ.).

13. Lenkov, D. A. (2023) Political innovations: from institutional analysis to the study of value-motivational and behavioral sphere of transfer and reception of innovations. State and Municipal Management. *Scholar Notes*, no. (3), pp. 191–197. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-3-191-197 EDN VMAWWK (in Russ.).

14. Lefebvre H. (2023) The Right to the City (excerpt). *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 1, pp. 55–70. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-55-70 EDN: HEYVDX (in Russ.).

15. Nikitina, E. Yu., Kazaeva, E. A. (2010) Participative approach as a methodological regulator of a future teacher's citizenship development concept. *The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*, no. 1, pp. 163–170. EDN: LSQLQR (in Russ.).

16. Ozerov, I. N. (2025) Social engineering in the activities of bodies engaged in the detection and investigation of crimes under special conditions. *Bulletin of the Moscow academy of the investigative committee of the Russian Federation*, no. 1 (43), pp. 128–134. DOI: 10.54217/2588-0136.2025.43.1.016 EDN: UNGBEQ (in Russ.).

17. Reznik, Yu. M. (1994) Social engineering: subject area and application boundaries. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 87–101. (in Russ.).

18. Urzha O. A. (2017) social engineering as methodology of management activity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10 (402), pp. 87–96. DOI: 10.7868/S0132162517100099 EDN: ZNGYKL (in Russ.).

19. Sharakhina, L. V. (2025) Social architecture as a political technology of creating a civic narrative in Media Linguistics : proceedings of the IX International Scientific Conference, St. Petersburg, June 25-28, 2025. – Saint Petersburg: Mediapapir LLC, pp. 885–889. EDN: NKNGNM (in Russ.).

20. Skorchenko, Yu. A. (2023) Sociology of architecture: current accidents. *Economy, governance and lave Basis*, no. 1 (36), pp. 26–32. DOI: 10.51608/23058641_2023_1_26 EDN: GCGOXE (in Russ.).

21. Sungurov, A. Yu., Kiseleva, D. A. (2023) Pro-governmental think tanks factories in modern Russia: a functional approach. *Political Science (RU)*, no. 4, pp. 155–185. DOI: 10.31249/poln/2023.04.06 EDN: YUTVNQ (in Russ.).

22. Toschenko, Zh. T. (2005) Forecasting, projecting and plannin social management. *Sociology of power*, no. 5, pp. 23–45. EDN: HUACKF (in Russ.).

23. Tumanyan, G. V. (2020) Electronic participatory management and its impact on the culture of civic participation. State and municipal management. *Scholar notes*, no. 2, pp. 298–302. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-2-298-302 EDN: IMVKFT (in Russ.).

24. Tolpygina, O. A., Ryzhkova, E. A. (2023) Transforming agency in terms of improvement program implementation. *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 2, p. 66–74. DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-2-66-74 EDN: ZQMRJW (in Russ.).

25. Vershinina, I. A. (2018) Anri Lefevr: from “the right to the city” to the “urbanist revolution”. *Moscow state university bulletin. Series 18. Sociology and political science*, no. 2, pp. 48–60. EDN: AVMWU (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 27.02.2026.

The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 25.02.2026; accepted for publication 27.02.2026.

Информация об авторах

В. В. Зубков – кандидат социологических наук, заместитель министра внутренней и информационной политики Хабаровского края – начальник управления мониторинга общественных процессов и развития социальной архитектуры, доцент высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса Тихоокеанского государственного университета;

Р. Ю. Таранец – начальник отдела мониторинга и социологических исследований Фонда «Краевой центр развития гражданских инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций».

Information about the authors

V. V. Zubkov – Candidate of Social Sciences, Deputy Minister of internal and information policy of the Khabarovsk territory, Head of the department for monitoring the social processes and development of social architecture, Associate Professor, the higher school of media, communications and service, the Pacific State University;

R. Yu. Taranets – Head of the monitoring and sociological research department of the regional center for the development of civil initiatives and the socially oriented non-profit organizations foundation.